

DOI: 10.26907/2074-0239-2021-63-1-214-218
УДК 821.161.1

**ОБРАЗ ПРЕСТУПНИКА В РАССКАЗЕ Ф. ШИЛЛЕРА
«ПРЕСТУПНИК ИЗ-ЗА ПОТЕРЯННОЙ ЧЕСТИ» И В РОМАНЕ
Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ»**

© Елена Сычева

**THE IMAGE OF THE CRIMINAL IN F. SCHILLER'S SHORT STORY
"THE CRIMINAL FROM LOST HONOR" AND IN F. DOSTOEVSKY'S
NOVEL "CRIME AND PUNISHMENT"**

Elena Sycheva

The article studies the way the image of the criminal is embodied in F. Schiller's story "The Criminal from Lost Honor" and in F. Dostoevsky's novel "Crime and Punishment". The comparative analysis allows us to draw a conclusion about the similarity of the authors' aesthetic views. Both writers rely on the principle of anthropocentrism. Both Schiller and Dostoevsky focus on the inner world of the protagonist, not on the event component. Despite the many differences in the depiction of the criminal, both authors' poetics has common features - the image of a person who is under the influence of conscience and morality. The aesthetic ideal of the Russian writer is a person who expresses moral principles and the divine in man. The theoretical thought of the Russian writer contains the idea of moral beauty. Harmony and good looks are just an outward appearance, while high morals are F. Dostoevsky's aesthetic ideal. The characters of his works strive for this beauty and truth. The Russian writer speaks about the duality of beauty, the "two abysses" of the human soul: "the Sodom one", which is low, sinful, and sensual, connected with the beauty of the body, and "the Madonna one" - high, connected with spiritual beauty; a person can have both. The writer's aesthetic ideal is spiritual beauty.

Keywords: anthropocentrism, Kant, dichotomy, morality and morale.

Статья посвящена исследованию воплощения образа преступника в рассказе Ф. Шиллера «Преступник из-за потерянной чести» и в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание». Проведенный сравнительный анализ позволяет сделать вывод о схожести эстетических воззрений писателей: оба опираются на принцип антропоцентризма. Шиллер и Достоевский обращают внимание не на событийную составляющую, а на внутренний мир героя. Несмотря на множество различий в изображении преступника, в поэтике обоих авторов присутствует общее – изображение человека, находящегося под воздействием совести и морали. Эстетический идеал русского писателя – человек, выражающий нравственное начало, божественное в человеке. В теоретической мысли русского писателя звучит идея нравственной красоты. Гармония, благообразие служат лишь внешней оболочкой, когда моральная высота предстает эстетическим идеалом Ф. М. Достоевского. К этой красоте, истине стремятся герои его произведений. Русский писатель говорит о двойственности красоты, «двух безднах» человеческой души: «содомской» – низкой, греховной, связанной с красотой телесной, чувственной, и «мадонской» – высокой, связанной с духовной красотой, человек может соединять в себе обе. Эстетический идеал писателя обращен к духовной красоте.

Ключевые слова: антропоцентризм, Кант, дихотомия, мораль и нравственность.

В литературоведении неоднократно указывалось на сходство многих эстетических воззрений Ф. М. Достоевского и Ф. Шиллера [Вильмонт], [Герик]. Достоевский вслед за Шиллером рассматривает через антропологическую призму этические, эстетические и социально-философские проблемы. Оба писателя опирают-

ся, по мнению Герика, на этику И. Канта, в основе которой лежит образ интеллигентного человека [Герик, с. 5]. Уже Кант воспринимал «звездное небо надо мной и моральный закон во мне» с нравственными составляющими человеческой души. Таким образом, по мнению немецкого философа, человеческая личность не зави-

сит от «животной природы», она свободна. Для писателей человеческая сущность проявляется в отклонении от нормы, в исключительном психологическом состоянии. Именно поэтому для мироощущения писателей так важен был образ преступника. Рассмотрение данного аспекта возможно на примере сравнительного анализа образа Вольфа в рассказе Шиллера «Преступник из-за потерянной чести» (1792) и Раскольникова в романе Достоевского «Преступление и наказание» (1866).

С этой точки зрения, примечательными представляются рассуждения Ф. Ницше, констатирующего после знакомства с произведениями Достоевского: «в нашем прирученном, посредственном, оскотиненном обществе, сын природы, пришедший с гор или из морских походов, необходимо вырождается в преступника» [Ницше, с. 620].

Шиллер стоит у начала этой традиции. Рассказ открывается обобщающим утверждением:

«Во всей истории существования человека нет главы более поучительной для сердца и ума, чем летопись его заблуждений» [Шиллер, с. 497].

Автор анализирует эти «заблуждения» в тексте через описание внутренней рефлексии героя на собственное социальное и психологическое состояние. Шиллер подмечает, что моральному явлению уделяется меньше внимания, чем физическому, а ведь для того, чтобы объяснить причины извержения Везувия, исследовали его кратер. Достоевский вслед за Шиллером считает, что изучение человека интересно «не в эмпирически-психологическом разрезе, а в метафизическом измерении, где обнаруживается его связь со всем бытием и его центральное положение в мире» [Евлампиев, с. 26–27].

В основу сюжета немецкого рассказа была положена интерпретация трагической жизни вюртембергского разбойника. Жанр «криминальный рассказ» был очень популярен в эпоху Просвещения. Авторы обращались к образам преступников, изгоев для изучения социального падения и нравственного величия или, по меньшей мере, моральной добродетели человека. Так, уже в знаменитой драме «Разбойники» (1781) Шиллер показал благородного разбойника и преступного аристократа – братьев Карла и Франца Моор.

Шиллер описывает Вольфа как маленького невзрачного человека с изуродованной от конского копыта губой и с плоским приплюснутым носом. В описании внешности Шиллер обращает внимание на фиксированных частях, которые ре-

levantны для физиогномического анализа. Отталкивающая внешность героя служит причиной его изгнания и в дальнейшем – преступления. Автор подмечает помимо отталкивающей внешности героя также внутреннюю двойственную характеристику – распушенность, тщеславие, лень, гордость, соседствующие с чувственностью и целеустремленностью. Подробное описание физических и морально-психологических качеств акцентирует внимание читателя на антропологическом модусе.

Английский исследователь творчества Достоевского Л. Ивантис выделила в романе «Преступление и наказание» два центра: детективная история о самом убийстве, которое происходит в начале произведения, и становление человека: «the wisdom tale from his rejection of the theory justifying the murder, which occurs in the epilogue» («повесть о мудрости из-за отказа от теории, оправдывающей убийство, которое происходит в эпилоге») [Ivanits, с. 53]. Нас, безусловно, интересует второй центр, опирающийся на внутреннюю составляющую образа Раскольникова. По внешнему облику герой противопоставлен Вольфу, портрет героя говорит о приятной внешности. Достоевский подмечает, что Родион Раскольников был замечательно хорош собой, эпитеты «прекрасные (глаза)», «тонок и строен» служат тому подтверждением. В его характеристике мы также наблюдаем амбивалентность: отзывчивость и доброта уживаются с гордостью и пороком.

Шиллер в художественном тексте показывает, что «игра вожделий» заложена в каждом человеке, и только общественные устои мешают им вырваться наружу. Оба персонажа преступают как социальный, так и нравственный закон. Мотив преступления Вольфа опосредован эмоциональной составляющей его натуры. Убийство служит орудием мести героя. Раскольников же планирует свое преступление, мы видим преобладание рационалистического начала в его натуре. Об этом свидетельствует его статья и мысли о том, что множество добрых дел может перекрыть одно плохое. Несмотря на разные мотивы совершения преступлений, и Вольф, и Раскольников находятся в оппозиции человек / общество. Поступок Вольфа социально детерминирован. При выходе из тюрьмы герой становится изгоем, которого никто не принимает, даже должность пастуха – «последняя в ряду честных занятий» – и та оказывается ему недоступной. Государственные институты лишь усугубили нравственный кризис героя. Тюрьма меняет героя, Вольф говорит, что попал туда заблудшим грешником, а вышел отпетым негодяем. Когда Вольф встреча-

ет на своем пути виновника своего заключения, он совершает преступление.

Раскольников совершает убийство из-за идеологических представлений. Он также вступает в оппозицию с обществом, но в данном случае он сам ставит эту преграду. Желание проверить свою «наполеоновскую» теорию приводит героя к убийству. Именно эта теория, а не само преступление является порождением неприятия социальной действительности. Решающим фактором мироощущения Раскольникова стали факты из социальной жизни «бедных людей»: «они подтвердили неотразимость и жестокость нравственных императивов истины – реальности, в свете которой законы человечности, добра, чистоты – при безусловной истинности и справедливости – оказываются беспомощными и ненужными» [Поддубная, с. 103–104].

У обоих героев социальная несправедливость служит катализатором их преступлений. В отличие от Вольфа, деяние Раскольникова является философски-обоснованным, опирающимся на логически выстроенную теорию. В совершении убийства преступниками управляет эмоциональное и рациональное начало.

Не тождественность мотива преступления приводит к общему знаменателю – убийству. Как мы отметили ранее, преступление Вольфа было спонтанным. Автор акцентирует внимание на сомнении героя совершить убийство: *«рука моя дрожала..., зубы стучали, как в лихорадке, и дыхание стеснилось в груди»; «Мсть и разум вступили в упорный безрезультатный бой, но мсть победила, и егерь упал мертвым»* [Шиллер, с. 504]. Раскольников находится в аналогичном глубоком размышлении от предстоящего убийства: *«голос не послушался его, прервался и задрожал, <...> вдруг голова его как бы закружилась»* [Достоевский, с. 62]. Стоит отметить, что, как и у Вольфа, у Раскольникова наблюдается лихорадка как ответная реакция тела на болезнь духа. Здесь опять же проявляется соотношение тела и духа в человеке.

Перед нами роман и рассказ, трактующие истоки и возможность преодоления греховности индивида. Акцент в произведениях сделан не на самом поступке, а на рефлексии героев. После убийства Вольф подмечает, что что-то странное творится у него в душе. Неосознанно герою вспоминается казнь детоубийцы, на которой он присутствовал в детстве. Персонаж находится в безумном состоянии:

«Я то желал, чтобы враг мой оказался живым, то принуждал себя припомнить все то зло, что причинил мне убитый» [Шиллер, с. 505].

Такие же настроения видны у Раскольникова:

«В первое мгновение он думал, что с ума сойдет» [Достоевский, с. 71].

Рациональное мышление уступает эмоциям героя. В. Е. Ветловская в анализе романа «Преступление и наказание» отмечает, что теория и мышление не властны над натурой, которая коварна и в самый неподходящий момент может «спутать все расчеты» [Ветловская, с. 246]. Вольф боится вернуться к убитому, чтобы забрать деньги, но пугает его не боязнь быть пойманным людьми (как Раскольникова):

«Мысль о дьяволе и вездесущем боге вызывала во мне ужас» [Шиллер, с. 505].

Сам герой замечает, что его мучают угрызения совести; заметим, что лексема *Gewissen* ‘совесть’ в разных сочетаниях пять раз употребляется в повествовании, прежде всего в авторских описаниях психологического состояния персонажа («– *Das verstummte Gewissen; boeses Gewissen*»). Шиллер очень метафорично описал состояние героя:

«Тысячи отвратительных чудовищ вились вокруг меня и впивались в мою грудь» [Шиллер, с. 505].

Автор описывает глубокие страдания героя. Жизнь в муках на земле или в неведомых муках вечности – таким вопросом задается Вольф.

В обоих произведениях мы видим религиозные детерминанты, организующие художественный текст. В основе романа «Преступление и наказание» лежит эпизод чтения о воскрешении Лазаря. Евангельский текст формирует вокруг себя сюжет романа. В рассказе Шиллера обращение главного героя к религиозным константам видно на протяжении всего текста. Он неосознанно в беседе с разбойником упоминает, что *«жизнь коротка, а муки ада вечны»* [Шиллер, с. 507], в дальнейшем, видя логово разбойников, Вольф сравнивает его с преисподней, откуда нет возврата. Обращение Раскольникова к вере эксплицитно выражено лишь в эпилоге. Герой сначала сдается властям, а раскаяние приходит позже, диаметрально противоположное положение у Вольфа.

В анализируемых произведениях обнаруживается коллизия отношений преступника и «падшей женщины». Отношения Соня / Раскольников и Иоанна / Вольф не идентичны. Когда Вольф выходит из тюрьмы, он узнает, что героиня стала *«солдатской девкой»* и радуется, что

она пала ниже него. Раскольников же припадает к полу и целует ногу Сони, этим жестом как бы «*всему страданию человеческому поклонился*» [Достоевский, с. 246]. В романе Достоевского «падшая женщина» служит маяком для нравственного очищения героя. У Шиллера Вольф сам осознает цену своего поступка. Неправедная жизнь вселяет в душу героя дисгармонию. Немецкий писатель отмечает, что «*дремавшая змея раскаяния зашевелилась среди бури, бушующей в его груди*» [Шиллер, с. 512]. Герой прощает мир и проклинает лишь самого себя. Автор говорит о том, что порок перестает властвовать, и ум берет верх над печальным заблуждением. Презирая свою жизнь, он решает искупить грех, отдав жизнь Родине. Вольф говорит, что отныне ненавидит порок и мечтает о добродетельной жизни, он сдается властям. К Раскольникову это раскаяние приходит лишь после явки с повинной.

Крис Байкер, опираясь на теоретические положения Джина Хэмптона, говорит о значимости нравственного наказания для преступников. Рефлексия Вольфа и Раскольникова приводит к желанию искупить свое деяние перед всем миром. Если Вольф собирается пойти на войну, то Раскольников решает заплатить за свой проступок великим подвигом. «Novelists like Dostoevsky have explored the criminal's need, born of guilt and shame, to experience pain at the hands of the society he has wronged in order to be reconciled with them» [Chris Barker, с. 465]. – («Романисты вроде Достоевского исследовали нужду преступника, порожденного чувством вины и стыда, испытать боль от рук общества, которого он обидел для примирения с ними»). Последний сон героя выполняет кризисную функцию и приводит героя к постепенному обновлению, перерождению и «*знакомству с новой, доселе совершенно неизвестною действительностью*» [Достоевский, с. 422].

Заключая, можно констатировать, что эстетические воззрения Ф. Шиллера и Ф. М. Достоевского находились в русле общеевропейских и этнокультурных традиций, тем самым способствуя развитию мировой литературы.

Список литературы

Ветловская В. Е. Логическая основа художественного текста, или Что скрывает Порфирий Петрович в «преступлении и наказании» Ф. М. Достоевского // Проблемы исторической поэтики. 2020. Том 18 № 1. С. 239–259.

Вильмонт Н. Достоевский и Шиллер. Заметки русского германиста. М.: Советский писатель, 1984. 279 с.

Герик Х. Ю. Достоевский и Шиллер. Предварительный опыт поэтологического сравнения // Достоевский. Материалы и исследования. 2010. № 19. С. 5–16.

Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений в тридцати томах. Т. 6. Л.: Наука, 1973. 422 с.

Евlampиев И. И. Философия человека в творчестве Ф. Достоевского (от ранних произведений к «Братьям Карамазовым»). СПб.: издательство Русской христианской гуманитарной академии, 2012. 585 с.

Ницше Ф. Сочинения в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1996. 829 с.

Поддубная Р. Н. О проблеме наказания в романе «Преступление и наказание». Достоевский. Материалы и исследования. 1976. № 2. С. 96–105.

Шиллер Ф. Собрание сочинений в семи томах. Т. 3. М.: Издательство художественной литературы, 1956. 700 с.

Chris Barker. Dostoevsky and Education through Punishment / Barker Ch. The Review of Politics. 2018. № 80. P. 463–486.

Ivanits Linda. Dostoevsky and the Russian People / Ivanits L. Cambridge university press, 2008. 258 p.

References

Chris, B. (2018). *Dostoevsky and Education through Punishment*. Barker Ch. The Review of Politics. No. 80, pp. 463–486. (In English)

Dostoevsky, F. M. (1980). *Polnoe sobranie sochinenii v tridtsati tomah* [Complete Works in Thirty Volumes]. 547 p. Leningrad, NAUKA. (In Russian)

Evlampiev I. I. (2012). *Filosofia cheloveka v tvorchestve F. Dostoevskogo* [The Philosophy of Man in the Works of F. Dostoevsky]. 585 p. St. Petersburg, Izdatel'stvo Russkoi hristianskoi gumanitarnoi akademii. (In Russian)

Gerick, H. Yu. (2010). *Dostoevskii i Shiller. Predvaritel'nyi opyt poetologicheskogo sravneniia* [Dostoevsky and Schiller. Preliminary Experience of Poetical Comparison]. Materialy i issledovaniia. No. 19, pp. 5–16. (In Russian)

Ivanits, L. (2008). *Dostoevsky and the Russian People*. 258 p. Cambridge University Press. (In English)

Nicshe, F. (1996). *Sochineniia v dvuh tomah* [Essays in Two Volumes]. 829 p. Moscow, Mysl'. (In Russian)

Poddubnaia, R. N. (1976). *O probleme nakazaniia v romane "Prestuplenie i nakazanie"* [On the Problem of Punishment in the Novel "Crime and Punishment"]. Dostoevskii. Materialy i issledovaniia. No. 2, pp. 96–105. (In Russian)

Shiller, F. (1956). *Sobranie sochinenii v semi tomah* [Collected Works in Seven Volumes]. 700 p. Moscow, Izdatel'stvo hudozhestvennoi literatury. (In Russian)

Vetlovskai, V. E. (2020). *Logicheskaia osnova hudozhestvennogo teksta, ili Chto skryvaet Porfirii Petrovich v "prestuplenii i nakazanii"* F. M. Dostoevskogo [The Logical Basis of a Literary Text, or What Porfiry Petrovich Conceals in "Crime and Punishment" by F. M. Dostoevsky]. Problemy istoricheskoi poetiki. Tom 18, No. 1, pp. 239–259. (In Russian)

Wilmont, N. (1984). *Dostoevskii i Shiller. Zametki russkogo germanista* [Dostoevsky and Schiller. Notes of a

Russian Germanist]. 279 p. Sovetskii pisatel'. (In Russian)

The article was submitted on 25.01.2021

Поступила в редакцию 25.01.2021

Сычева Елена Олеговна,
старший преподаватель,
Московский финансово-промышленный
университет «Синергия»,
125315, Россия, Москва,
Ленинградский проспект, 80 Е.
lenasycheva@yandex.ru

Sycheva Elena Olegovna,
Assistant Professor,
Moscow Financial and Industrial
University “Synergy”,
80 E Leningradsky Prospect,
Moscow, 125315, Russian Federation.
lenasycheva@yandex.ru